

АВТОР

Михаэль Шрётер — PhD, исследователь в области социологии, психологии и истории, переводчик, главный редактор «журнала «Luzifer-Amor», специализирующегося на истории психоанализа (Берлин, Германия). М. Шрётер является автором перевода на немецкий язык, среди прочего, трудов Анны Фрейд и Норберта Элиаса. Кроме того, Михаэль Шрётер опубликовал несколько научных изданий переписки Зигмунда Фрейда, в том числе с Вильгельмом Флиссом (1986), Максом Эйтинггоном (2004), детьми Фрейда, помимо Анны (2010) и Ойгеном Блейлером (2012).

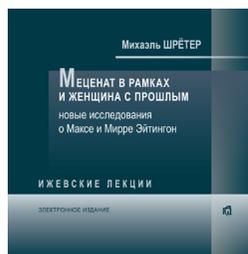
НОВАЯ КНИГА

Михаэль Шрётер

МЕЦЕНАТ В РАМКАХ И ЖЕНЩИНА С ПРОШЛЫМ: новые исследования о Максе и Мирре Эйтинггон

Публикуемая лекция Михаэля Шрётера была прочитана в качестве доклада на III Международной научной конференции «Фрейд и русские: забытые судьбы и открытия» в октябре 2016 года.

М. Шрётер — крупный исследователь по истории психоанализа. Он опубликовал обширную переписку Фрейда и Макса Эйтинггона, которая открыла многие важные страницы становления психоаналитического движения. Кроме того, ряд публикаций Шрётера посвящен различным сторонам жизни Макса Эйтинггона. Его доклад обобщает исследования последних лет, представленные в журнале «Luzifer-Amor» его коллегами.

ISBN 978-5-98904-250-0
32 с., e-book

Ex ERGO LIBRIS

Зигмунд Фрейд «Абрис психоанализа»: цитата...

«Преодоление сопротивлений — часть нашей работы, занимающая большую долю времени и стараний. Но она и окупается, поскольку осуществляет выгодное изменение Я, которое сохранится независимо от успеха переноса и хорошо проявит себя в жизни. Одновременно мы также работали над устранением того изменения Я, которое создано под влиянием бессознательного, потому что всякий раз, когда мы выявляли такие производные от него в Я, мы раскрывали их нелегитимное происхождение и побуждали Я отбрасывать их. Мы помним, что одним из предварительных условий оказания нами помощи по договору было то, что такое изменение Я через проникновение бессознательных элементов не должно превышать известную меру.

Чем дальше продвигается наша работа, и чем глубже мы можем заглянуть в душевную жизнь невротика, тем настойчивее нам напрашивается знание двух новых моментов, которые как источники сопротивления требуют максимального внимания. Оба абсолютно неизвестны больному, оба не могут учитываться при заключении нашего договора; они также выходят не из Я пациента. Их можно объединить под общим названием: потребность в болезни или страдании, но они имеют различное происхождение, даже если в остальном у них и родственная природа. Первым из двух этих моментов является чувство вины или сознание вины, как его называют, обходя тот факт, что больной его не испытывает и не познает. Очевидно, оно является вкладом в сопротивление, которое совершает ставшее особенно суровым и жестоким Сверх-Я. Индивид не должен выздороветь, он должен оставаться больным, потому что лучшего он не заслуживает. Это сопротивление, собственно, не нарушает нашу интеллектуальную работу, но оно делает ее недейственной, оно даже часто позволяет нам устранить форму невротического страдания, но тотчас готово заменить ее другим, возможно, соматическим заболеванием. Это сознание вины также объясняет порой наблюдаемое при тяжелых неврозах излечение или улучшение, наступающее в результате реальных несчастных случаев; в частности, важно только то, что человек бедствует, не важно, по какой причине. Безмолвная покорность, с которой такие персоны часто несут свой тяжкий крест, весьма примечательна, но является и предательской. В защите от этого сопротивления нам приходится ограничиваться доведением его до сознания больного и попыткой медленного сноса враждебного Сверх-Я».

Михаэль Шрётер

МЕЦЕНАТ В РАМКАХ И ЖЕНЩИНА С ПРОШЛЫМ:

новые исследования
о Максе и Мирре Эйтингон

ISBN 978-5-98904-250-0
32 с., e-book

ЗАКАЗ КНИГ

Заказ на приобретение книг «ERGO»
направляйте на email:
market@ergo-izhevsk.ru

Меценат в рамках и женщина с прошлым

*
* *

Я мечтал об обнаружениях касательно Мирры, сделанных Гинор и Ремезом, и хочу сообщить о них в первую очередь. Мое воодушевление требует пояснения: когда в свое время я работал над изданием переписки Фрейда—Эйтингона, я должен был предложить какую-то информацию о жене Эйтингона, выяснилось: почти ничего не было. Мирра Эйтингон, по крайней мере ее жизнь до замужества с Максом (тогда ей было уже 35 лет, она старше его на четыре года), была большим белым пятном на карте имевшегося в распоряжении знания. Я помню, как попросил Гидо Либермана посмотреть на кладбище в Иерусалиме, какая дата рождения там стоит; но камень выветрился, так что невозможно было прочесть с уверенностью. Тогда я все же нашел необходимый минимум информации в полицейском прописном листке и неопубликованном письме Фрейда Арнольду Цвейгу. Но нужно иметь в виду этот фон, чтобы соизмерять, что для меня значило неожиданное появление сразу двух авторов, способных рассказать богатую фактами и хорошо документированную историю жизни Мирры.

Она была родом из Екатеринодара¹, города юга России, находившегося вне района поселения, которым обычно были ограничены евреи в Российской Империи. Доля еврейского населения в городе была низкой. Мирра посещала нормальную русскую гимназию. Примерно в 18 лет она вышла замуж за отпрыска сахарных магнатов, имевших свою базу в Киеве и Одессе. После рождения сына брак распался. И это первые новые данные, которые отыскивали Гинор и Ремез: до своего брака с Максом Эйтингоном Мирра была замужем не единожды, а уже два раза. Оба ее сына, о которых было известно, были от разных мужей.

¹ [Теперь Краснодар.]

Меценат в рамках и женщина с прошлым

Ее вторым мужем был Борис Харитон, журналист и соиздатель органа либеральной конституционно-демократической партии, газеты «Речь». Оба жили в Санкт-Петербурге, где Мирра в 1904 году родила своего второго сына, Юлия. Но прежде всего здесь она исполнила свое заветное желание: она попала в театр. То, что это удалось ей в 1906 году, несмотря на отсутствие актерского образования, по меньшей мере частично объясняется патронажем коллеги Харитона по прессе — писателя Осипа Дымова. У одной героини Дымова, «Лидии Биренс», она заимствовала свое сценическое имя. У них также были любовные отношения, что привело к попытке ее мужа убить Дымова из револьвера. Афера послужила Дымову материалом для его самой знаменитой пьесы, называющейся по имени героини «Ню». Она была впервые поставлена в 1908 году знаменитым немецким театральным деятелем Максом Рейнхардтом и должна была в «резкой» форме показать «невроз современной обыденной жизни».

После этого скандала брак Мирры рухнул; она переехала в Москву, где благодаря месту в Императорском Малом театре, а потом в Драматическом театре великого русского режиссера Константина Станиславского получила временное жилье. Еще больше, чем своей невольной ролью прообраза для «Ню», она обеспечила себе нишу в истории театра в качестве звезды в величайшем успехе Станиславского: премьере сказочной пьесы Мориса Метерлинка «Синяя птица» осенью 1908 года. Все эти факты показывают, что Мирра Биренс была необычайно серьезной актрисой. Как таковую ее уже более десяти лет удостаивают вниманием историки русского театра. Большая заслуга Гинор и Ремеза в том, что они соединили эти исследования с работой по истории психоанализа.

Актерская карьера Мирры Биренс была серьезной, но длилась недолго; в 1910 году ее договор с Драматическим театром не был продлен. И в 33 года ей было сложно получить где-либо в России роли юных девушек, которые